

Звуки колокола слабо доносились, они будут звенеть сто двадцать семь раз, а затем снова зазвучат в полдень следующего дня. Это объявляло о кончине владыки бессмертных Юнь Яня, завершая его сто двадцати семилетнее правление.

Очень странно, этот звук колокола звучал в ушах Сюэ Хуая, но, казалось, звучал в его собственном сердце, тяжело вибрируя, почти вызывая у него трепет, исходящий из глубины костей.

Он боролся, кусал плечо Юнь Цо, щипал его спину, и, обливаясь слезами, прерывисто звал его имя. Он хотел спросить Юнь Цо, что происходит, но Юнь Цо не говорил ему, и с каждым ударом колокола Юнь Цо изо всех сил входил в него все глубже и глубже, заставляя его дрожать всем телом, а все его тело превратилось в соблазнительный розовый цвет.

Он нащупал на груди Юнь Цо новую рану, которая еще кровоточила, и помнил, как, обнимая его, спросил:

— Почему ты ранен?

— Случайно поранился, — ответил Юнь Цо.

На самом деле Сюэ Хуай знал, что чем больше такие моменты, тем больше нужно быть начеку, и эта рана Юнь Цо, скорее всего, была нанесена убийцей. Но он ничего не сказал Сюэ Хуаю, а просто продолжал капризничать, как и раньше, и просил его уговорить, как ребенка. Позже, увидев, что он плачет, он быстро перестал притворяться несчастным, наклонился и поцеловал его, уговаривая его.

Наконец, когда небо почти совсем стемнело, Юнь Цо встал, обнял Сюэ Хуая, чтобы помыться, и осторожно одел его.

Сюэ Хуай не знал, почему, но продолжал плакать, слезы не прекращались. Юнь Цо тоже не был спокоен, а просто терпеливо вытирал их, а затем целовал, уговаривая его:

— Сюэ Хуай, брат Сюэ Хуай, не жалея, не жалея меня. Не плачь.

Казалось, он выплакал все слезы из прошлой и этой жизни. Он был молодым господином семьи Сюэ, его левым защитником, и всегда верил в то, что мужчина не должен легко проливать слезы, и все принимал, и не успевал горевать о расставании.

Но после того, как семья распалась, и все изменилось, его все еще просили найти место, где можно было бы поселиться.

Сюэ Хуай всхлипнул, схватив его за одежду.

— Что случилось с твоим отцом?

Юнь Цо замер, а затем тихо сказал:

— Ничего. Вчера, когда я почувствовал, что он вот-вот умрет, я спросил его, помнит ли он мою мать, и он сказал, что помнит.

Сюэ Хуай промычал, по-прежнему чувствуя себя немного озадаченным его выражением лица.

Затем он услышал, как Юнь Цо тихо сказал:

— Но я спросил его, как зовут мою мать, какое место она занимала в семье, а он сказал, что не знает. Потом я больше не разговаривал с ним.

Он опустил глаза и посмотрел на Сюэ Хуая, свернувшегося у него на руках, словно боясь, что ему будет грустно, и сказал:

— На самом деле я давно думал, что так и будет. Теперь, когда я получил этот ответ, я почувствовал себя спокойно. Он вообще не должен был любить ни меня, ни мою мать.

Эти длинные и сильные руки Юнь Цо протянулись и осторожно вытерли следы слез в уголках глаз Сюэ Хуая.

— Почему ты снова плачешь, Сюэ Хуай? Ты как ребенок.

Сюэ Хуай долго молчал у него на руках, прежде чем пришел в себя.

Увидев, что он больше не плачет, Юнь Цо поднял его на руки и спросил:

— Тогда мы возвращаемся?

Сюэ Хуай слегка кивнул.

~~~~~

За глубоким двором, на длинной улице в десять ли, выстроились бессмертные солдаты, как грозовая туча.

В первый момент, когда Юнь Цо вышел за дверь, он услышал, как крики солдат взлетели в небо, способные вспугнуть птиц в глубоком лесу.

— Приветствуем восшествие владыки бессмертных!

Все солдаты Юнь Цо, все люди, которыми он мог управлять в качестве владыки бессмертных, теперь своими глазами видели - молодой владыка бессмертных держал на руках молодого человека и нес его на золотой колеснице с драконами, не позволяя ему встать на землю.

В его отсутствие его армия уничтожила повстанческую армию его родного дяди, и со скоростью молнии смела все препятствия на пути его престолонаследия. Красная заря горела над королевской столицей три дня, предыдущий владыка бессмертных был скромно похоронен, а новый владыка бессмертных в ночь своего вступления на престол был не на троне, а предавался радостям со своим дао-партнером. Эта новость быстро распространилась.

Однако этот странный и красочный слух не повлиял на авторитет Юнь Цо среди бессмертных жителей и солдат. Как говорится, новый метлой метет*. Он первым делом сжег дотла беседки и башни на воде, цветочные павильоны и башни, оставленные поколениями владык бессмертных, и отправил обратно придворных дам и наложниц, подготовленных для него чиновниками. Во-вторых, он сжег устаревшие и чопорные порядки, когда у власти был Юнь Янь, полностью повысил обеспечение армии, изменил правление литературой на правление силой и сильно централизовал власть.

*“Новый метлой метет” - новый чиновник, вступая в должность, начинает радикальные реформы.

В-третьих, он водрузил флаг Центрального континента в Мире Демонов, в той духовной пещере, где он раньше практиковался. Отправленные им люди заживо сожгли пойманных шпионов из Мира Демонов, вызвав потрясения в трех мирах: бессмертном, небесном и демоническом. Это было само собой разумеющееся объявление войны и предупреждение, и война была неизбежна.

Все это Юнь Цо делал организованно. На первый взгляд безумные и безрассудные меры, после анализа, часто доказывали, что он прав. Все, чему Сюэ Хуай научил его в прошлой жизни, он твердо запомнил в своей голове. Ему не нужно было спрашивать, не нужно было колебаться, потому что он уже занимал это место однажды.

А Сюэ Хуай был спрятан им в глубоком дворце.

Дворец, принадлежащий бессмертной императрице - дворец, который Юнь Янь изначально готовил для дочери восточного морского дракона. Он также был разрушен Юнь Цо в том же виде, а затем перестроен за одну ночь. Он за одну ночь использовал все ресурсы, приказал всем птицам Цинняо и духовным зверям из всех уголков мира, и призвал всех мастеров и потомков Лу Баня, чтобы построить для Сюэ Хуая хрустальный дворец.

Кристалльно чистый, как обычный сад, в нем есть все. Охотничьи уголья, павильон, чайный сад, пруд и лотосы на ветру, которые он обещал Сюэ Хуаю, были построены.

Сюэ Хуай был заперт в этом хрустальном дворце. С утра до вечера он спокойно читал здесь книги, пил чай и слушал цитру. Внешний мир был заблокирован барьером, и ничего нельзя было увидеть. Только когда сумерки приближались к закату, барьер открывался, и Юнь Цо входил снаружи, прямо подхватывал его на руки и бросал на кровать, не говоря ни слова, просто ища в нем тепла и утешения.

Иногда Юнь Цо возвращался торопливо, не успев снять доспехи. Он прижимал его холодными доспехами, холодное темное железо давило на обнаженную кожу, вызывая дрожь во всем теле Сюэ Хуая.

Сюэ Хуай постепенно понимал мысли Юнь Цо. Днем он был его безжалостным и твердым королем, а вечером снимал с себя дневное давление и усталость. Он был его местом возвращения, он был его кроватью и подушкой.

Что бы ни делал Юнь Цо, он послушно позволял ему это делать, потворствуя ему почти до баловства. И он находил некоторое утешение в этой странной модели общения. Юнь Цо подтверждал его снова и снова, и он тоже подтверждал его снова и снова.

Сюэ Хуай случайно однажды увидел себя в зеркале и обнаружил, что глаза юноши в зеркале текут, фигура его истощена, и он выглядит как лис-соблазнитель. Только тогда он осознал, что Юнь Цо и он сделали. Даже если он уже привык к этому, он не мог удержаться от того, чтобы его щеки не горели.

В этот день Юнь Цо снова пришел к нему вечером, он не позволил ему подойти, постоянно прятался, и тихо сказал:

— Ты должен уже отпустить меня обратно.

Юнь Цо остановился, но ничего не сказал, а просто на мгновение, словно сильно обидевшись, опустил глаза и посмотрел на него, нежно перебирая его волосы пальцами.

— Мы еще не добрались до Зимнего континента, брат Сюэ Хуай. Побудь со мной еще, всего один день, хорошо?

Сюэ Хуай согласился.

Однако на следующий день Юнь Цо снова стал умолять его:

— Еще один день, хорошо? Это действительно последний день. Остайся здесь со мной. Я каждый день буду спешить обратно.

Сюэ Хуай снова смутно согласился.

В третий раз отношение Сюэ Хуая стало решительным. До возвращения Юнь Цо он переоделся в боевые доспехи, вся одежда ничем не отличалась от его прошлой жизни, когда он был его левым защитником.

Юнь Цо толкнул дверь и вошел, и, увидев его, замер.

Затем он, словно давно ожидая этой сцены, просто спокойно посмотрел на него и нежно улыбнулся.

Сюэ Хуай поддразнил его:

— Ах, мой малыш Юнь Цо не плачет и не шумит, прогресс. Ты хочешь мне что-нибудь сказать?

Он тихо сказал:

— Тебе так тоже очень красиво. В прошлой жизни я хотел сказать, что ты самый красивый человек, которого я когда-либо видел.

Сюэ Хуай с улыбкой подошел и взял его за руку.

— Что еще?

— Ты первый человек, который мне понравился, и единственный, — сказал Юнь Цо. — Раньше все, что ты мне говорил, я на самом деле понимал. Я намеренно не делал так, как ты говоришь, чтобы ты разозлился, чтобы ты поговорил со мной, чтобы я почувствовал, что нравлюсь тебе.

— Что еще? — продолжал спрашивать Сюэ Хуай.

На этот раз Юнь Цо поведет армию Бессмертного континента прямо к Миру Демонов, а Сюэ Хуай вернется на Зимний континент, чтобы вместе с небесными солдатами построить линию обороны.

Мир Демонов уже не тот, что был раньше, и различные ситуации окутаны туманом. Это расставание может быть и навсегда.

Юнь Цо протянул руку и обхватил его за талию, опустил голову и поцеловал его.

Это был поцелуй, похожий на прикосновение стрекозы к воде.

Очень легкий, мимолетный.

— Жди меня, когда я вернусь.

<http://bllate.org/book/14664/1302105>